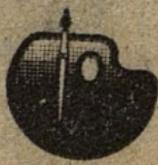

ГРУЗИНСКОГО художника узнаешь сразу же, и творчество Мамна Малазонна, выставка которого недавно открылась во Дворце работников искусств имени К. С. Станиславского, — очередное тому подтверждение. Кровная связь со своим народом, его историей и культурой ощущается во всем: и в эскизах к спектаклям и кинофильмам, и в иллюстрациях к литературным произведениям, и в самостоятельных графических листах.

К чему бы он ни прикасался — к истории или современности, родной грузинской классике или к Шекспиру, — он неизменно обнаруживает свою причастность к национальной художественной тра-

ВЫСТАВКИ

РУКОЙ

БОЛЬШОГО МАСТЕРА

диции. Но родовые черты в его искусстве ничуть не подавляют индивидуальных. То, что Малазонна — художник глубоко самобытный, мы могли понять еще весной 1976 года, когда впервые встретились с его работами на групповой выставке семи тбилисских театральными художников, показанной в тех же гостеприимных залах Дворца работников искусств.

За прошедшие восемь неполных лет Малазонна немало преуспел: оформлял спектакли, иллюстрировал книги, занимался декоративным искусством. Не один год выполнял многотрудные обязанности главного художника Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили, пока не сменил их на звание профессора Тбилисской академии художеств. Стал народным художником республики.

Новая встреча открывает нам его по-новому.

Дело не только в количестве и разнообразии работ, расширяющих наше представление об их авторе. Дело в новом художественном качестве, которое обрело его искусство.

Нельзя сказать, что он переменялся. Нет, вся эта удивительно красивая выставка — от первой работы до последней — оставляет на редкость целостное впечатление. Как бы ни менялись темы, жанры, как бы ни варьировалась манера, художник остается верен своему поэтически чистому восприятию мира и неизменно облекает это восприятие в безупречную форму.

И давние его работы ничуть не померкли. Осматривая выставку, в восхищении останавливаешься перед обоими вариантами иллюстраций к «Мученичеству Шушаник» (и не знаешь, какому воздать больше), перед иллюстрациями к «Русуданиани», «Двум веронцам» и «Зимней сказке» Шекспира, по достоинству оценивая их композиционную стройность, чуткость постижения духа и стиля литературных произведений, изысканность колорита.

И все же в тех, прежних, работах Малазонна чувство его было порой заковано в выверенность формы, а мастерство опиралось на артистичную стилизацию. Сейчас забота о мастерстве уже не стесняет художника — оно вошло в его плоть и кровь, ведет саму его руку, держащую кисть или карандаш. Он стал мудрее и свободнее и может позволить себе то, что раньше не пришло бы ему в голову.

В цикле «По мотивам поэзии Галактиона Табидзе», в сущности, очень мало рисуя, а главным образом цветом, композицией и самим текстом, переписанным от руки, он передает свое любовное восприятие нескольких стихотворений классика грузинской поэзии XX века (как жаль, что рядом с этими чудесными листами нет хотя бы подстрочных переводов, помогающих глубже оценить движение мысли и чувства художника).

Обращаясь к старой грузинской литературе — к «Мудрости вымысла» Саба-Сулхана Орбелиани или к древнему историческому труду «Жизнь Грузии», Малазонна стремится не столько пересказать описанное изобразительными сред-

ствами, сколько заразить зрителя своим ощущением величественной простоты, исходящей от этих произведений.

Он вновь переписывает своим мелким почерком громадные куски текста, и эти кривоватые, неровные строчки становятся под его рукой изысканной графикой, в которую он вставляет, словно не заботясь о порядке и стройности, свои картинки-миниатюры, как делали это его далекие предшественники, мастера рукописной книги, но не подражая им, а по-своему развивая их традицию.

Эти картинки могут показаться с первого взгляда несколько простодушными, да так и есть: художнику дорого было очаровательное простодушие старой литературы, и он его передал. Наивность искусства нынче в моде, и многие имитируют ее, подчас довольно ловко. Простодушие Малазонна неподдельно — за ним зрелость мастера, прошедшего к простоте как к высшему проявлению мудрости и художественного совершенства.

Вот почему эти крохотные картинки выглядят такими монументальными. Вот почему такая живописность присуща их богатому, изысканному и яркому колориту.

Еще непосредственнее и раскованнее становится Малазонна, обращаясь к современности — в серии «Без названия». Наименование ее, конечно, полшутливое, но не без смысла. Здесь на листах соединены картины обыденной жизни: уголки города и деревни, разные люди, бытовые сценки. Автор не связывает их общим сюжетом, а словно приглашает разделить с ним ту заинтересованность, с которой он воспроизводил увиденное и запомнившееся, войти в созданный им мир.

Прекрасно, когда художник, достигший в искусстве многого, сохраняет способность к обновлению.

Э. КУЗНЕЦОВ